

**Н.И.Воронина «Личность и время: метафизика музыки». – Саранск:
Типогр. «Красный Октябрь», 2010. - 259 с.**

Саранские страницы. Музыка её души и ума

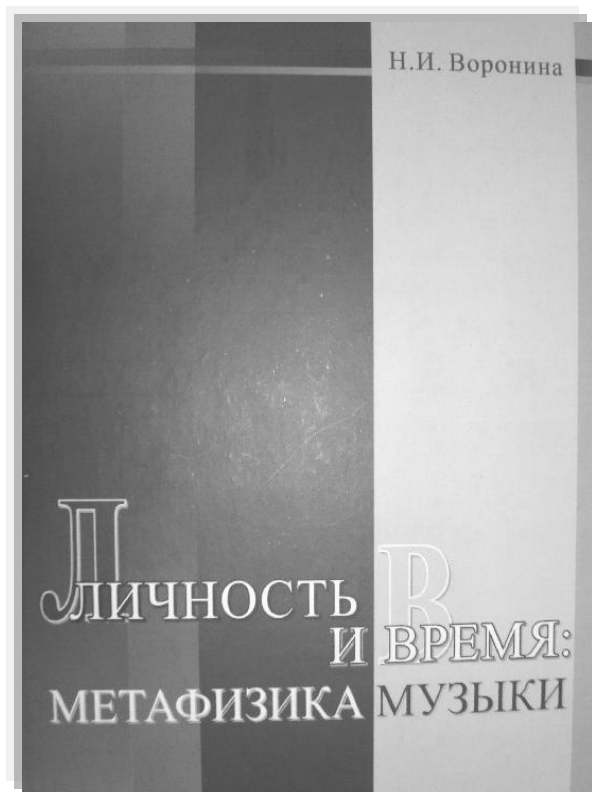
Для начала признаюсь, что писать об этой удивительной книге трудно. Нелегко найти слова, более или менее адекватные тому стилю, которым её автор – мудрая и тонко чувствующая эмоциональное богатство музыки Н.И.Воронина, повествует, философствует, переживает о мире, уже века необходимом для многообразного раскрытия и духовного обогащения человека. Запев, подготовку читателя именно к такой стилистически богатой палитре даёт вступительная главка, помогающая осознать и почувствовать право и правомерность нашего прикосновения, а может быть и познания феномена «философо-музыки». Так вот названа эта главка «Музыка моя...». Прочитав её, понимаешь, а может и немножко завидуешь девочке из Саранска. Судьба с детства посылала добрых и талантливых наставников, что вели её, взрослеющую, через музыкальную школу, консерваторию, овладение пианизмом высшего класса, к научному осмыслению музыки как особой сферы человеческой духовности.

От наставников зависит многое, но всё же для успеха не обойтись без главного – личного стремления, а потом и умения не только глубоко чувствовать и воспроизводить музыкальные волны радости либо светлой печали, но и углубляться умом своим в философские координаты в звуковом пространстве, изучать и анализировать культурологические аспекты роли музыки в жизни и миропонимании многих знаменитых соотечественников в разные исторические времена. Всё это у Наталии Ивановны Ворониной, профессора, доктора философских наук, заведующей кафедрой в Мордовском государственном университете есть, а рецензируемый труд – достойное тому подтверждение.

Теперь понятней несколько необычное для нашего времени «крутых», завлекающих заголовков название книги, вышедшей в 2010 году в Саранске, – «Личность и время: метафизика музыки». Здесь переключка с вынесенным в эпиграф высказыванием немецкого мыслителя А.Шопенгауэра: «Музыка есть тайное упражнение в метафизике души, не сознающей того, что она философствует».

Н.И.Воронина сознаёт, что философствует и определяет предмет философии музыки, отводя ему сложную функцию «метатеории», по отношению к другим, исследующим музыку дисциплинам. Автор показывает, что подобная функция является как бы вырастающей из исторического осознания воплощённого в музыке тождества контрастных взаимоисключающих чувств, а их одновременность – гармонию.

Главы рецензируемого труда дают возможность читателю двигаться по российским ступенькам осознания общественных и личных ролей указанного качества, в первую очередь, обращаясь к суждениям людей, широко известных не как музыковеды или композиторы. Это А.И.Герцен, Н.П.Огарёв, Н.В.Станкевич, В.П.Боткин. «Глубокая и многообразная работа, проделанная Герценом в социальной области, весьма полезна и в музыке. Проблемы, которые он затрагивал в области музыки, не всегда лежат на поверхности, но любой её слой даёт не просто интересный, но и плодотворный с научной точки зрения результат, который как бы изнутри освещает художественные процессы минувшей эпохи. Да, Герцен не был музыкантом, не играл, не пел, не сочинял музыки. Но он был Великим слушателем» (Н.И.Воронина).

Н.П.Огарёв, друг и сподвижник Герцена, музыку сочинял, да и читателям-пензякам и саранцам, можно сказать, земляк. Тем интереснее прочитать в книге Н.И.Вороной о тех многогранных аспектах взаимодействия поэта с миром музыкального творчества, его ярких и оригинальных оценках роли этого вида искусства в общественной жизни. Огарёвские «ступеньки» в исследовании содержат интересный материал о музыкальном творчестве Николая Платоновича, его отношениях с композиторами, мнениях о народном мелосе, интерпретаций музыки как изначальной и самой глубокой силы жизни. В книге убедительно показано, как Огарёв протягивает нити между музыкой и жизнью, поэзией и действительностью, подчёркивая их нерасторжимость.

Читателя, наверное, привлекут страницы, где анализируется роль поэта и философа Н.В.Станкевича в метафизике музыки XIX века. Автор исследования обращает наше внимание на то, что самым интересным, глубоким, многосторонним пластом в наследии Станкевича являются эпистолярные циклы. Воплощая в себе и философские размышления, и статьи, и рецензии, они характеризуют рано ушедшего из жизни талантливого человека как глубоко понимающего роль искусства в жизни. Музыкальная атмосфера, созданная в написанном Станкевичем, интересна не только как отражение элементов музыкального быта того времени, но и как созидательная среда. «Восприятие и литературное «пересоздание» музыки, – отмечает Н.И.Воронина, – предстаёт и как резервуар историко-музыкальных (и шире – культурных) фактов, и как тончайший гносеологический инструмент, и как уникальный по ценности психологический материал...»

Четвёртое имя из XIX века, выделенное автором книги о метафизике музыки, – В.П.Боткин. Статьи этого человека, занимающего особое место в истории общественной и литературно-публицистической мысли России 30 – 60-х гг. XIX века, содержит богатый материал для музыкально-эстетического анализа. Представляя читателю многообразие суждений Боткина о бытии звучащей культуры, рецензируемая книга даёт возможность подтвердить справедливость его мысли о том, что музыка есть «гармония мира и чувство бесконечного», которые заложены в самой её природе, показать, что музыка в высказываниях критика рождается не «сама по себе», в технических тонкостях, а именно как суть её связей, отношений с миром и человеком.

А.А.Панчулидзева, конечно, в интеллектуальную среду перечисленных выше мыслителей и общественных деятелей не вписывается. Да,

да, это тот самый пензенский губернатор, что занимал высокий пост с 1831 года и покинул его не по своей воле в 1859. Сколько публицистов и сатириков не жалели слов, чтобы обличить его и в мошенничестве, и в злодействе, и в взяточничестве, и вообще преступности. Кстати, и герценовско-огарёвский «Колокол» тоже публично обвинял Панчулидзева в произволе, коррупции и нарушении законности. А вот Н.С.Лесков, служивший в ту пору в Пензенской губернии, охарактеризовал Панчулидзева: «Меломан и зверь».

В обсуждаемой нами книге хозяин губернии, в которую тогда входила и нынешняя Мордовия, предстаёт именно как меломан. Назвав главу «Духовная миссия губернатора Пензы», Н.И.Воронина убедительно показывает поразительный парадокс провинциальной атмосферы в пору панчулидзевского правления. Увлечение музыкой, для развития материальной базы которой губернатор пользовался служебным положением, сознательно инициировало акции, объективно важные для провинциальной культуры. Отличный оркестр, куда нанимались за немалые деньги талантливые музыканты, давал возможность пензенской дворянской публике, приглашаемой в зал губернаторского дома, послушать все симфонии Бетховена, Гайдна, Мендельсона, весь классический репертуар камерной музыки, оперы Верди, Мейербера, Россини, Беллини, Глинки. Когда Глинка с трудом входил в столичный репертуар, в провинциальной Пензе его не только слышали, но и любили, особенно «Камаринскую».

Если Панчулидзева приобщал в своё удовольствие к музыке публику дворянскую, то В.С.Серова – жена композитора и мать художника – занималась этим приобщением в крестьянской среде. Серова была полна уверенности в том, что в музыкальном отношении русские крестьяне необычайно одарены. То, что сделала эта удивительная женщина в селе Судосеве (ныне оно на территории Мордовии), ярко подтверждается в главе, которая называется «Деревенская опера». За шестнадцать лет кропотливой работы ума и сердца музыкальной просветительницей были поставлены сцены из опер М.И.Глинки, А.П.Бородина, А.Н.Серова, П.И.Чайковского, М.П.Мусоргского, Н.А.Римского-Корсакова. «1900 год для деревенской оперной труппы стал гастрольным. Поездка в Симбирск и Пензу обогатила судосевцев впечатлениями, расширила их кругозор и вместе с тем научила смотреть на своё искусство как на дело значимое и необходимое людям. В культурной же жизни российской провинции это явление было новым и уникальным».

Но не только наши соотечественники, исторически важные для мира достижения музыки, с научной глубиной и тонкостью рассматриваются Н.И.Ворониной. Входя в век XX, она с волнением и пиететом предлагает страницы, повествующие о музыкально-философских истоках дружбы наших современников. Это М.М.Бахтин, выдающийся мыслитель, и М.В.Юдина, знаменитая пианистка и педагог. И волнение, и пиетет автора книги при повествовании об этих мастерах слова и звука понятны. В юношеские годы Наташе, дочери профессора И.Д.Воронина, посчастливилось быть не просто знакомой с ними, но и почувствовать важность поддержки философа и музыканта на её пути к постижению богатства мира звуков.

Авторские впечатления присутствуют и в главках, посвящённым ярким музыкальным фигурам, связанным с Мордовией. Таков И.М.Яушев, чей богатырский и удивительно выразительный голос, сценическое творчество признаны носителями музыкального гения мордвы. Истинно народной певицей, которая завоевала своим талантом многочисленных слушателей почти во всех уголках России, и, конечно, пленила широтой души и тонкостью понимания народной песни своих земляков,

предстаёт в специальном очерке М.Н.Антонова. Читатель с интересом познакомится с яркой оперной певицей и талантливым музыкальным педагогом Л.И.Кожевниковой, современными композиторами и исполнителями Г.Г.Вдовиным, С.Я.Терхановым.

Последняя часть многообразной содержательно и стилистически книги Н.И.Ворониной снова возвращает нас на философскую стезю, к пространственно-временной рефлексии по поводу триединства звука – музыки – культуры. Автор показывает, что процесс познания метафизики музыки XIX века, «гармонического здания» музыкальных идей XX века, попыток добавить свой взгляд на глубокую и противоречивую причину необходимости для человека звучащего мирового языка души продолжается, оставаясь камнем преткновения в бесконечных спорах о смысле бытия.

*Н.М.Инюшкин
Доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой мировой и
отечественной культуры Пензенского
государственного педагогического
университета им. В.Г.Белинского*